

ОНЛАЙН- И ОФЛАЙН-КОНФЛИКТЫ ВОКРУГ ГОРОДСКОЙ СОВМЕСТНОСТИ: ЗАБОТА О ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛЬШОГО ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА

Любовь Алексеевна Чернышева
(l.a.chernysheva@gmail.com)

Социологический институт РАН — филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Чернышева Л.А. Онлайн- и офлайн-конфликты вокруг городской совместности: забота о городском пространстве на территории большого жилого комплекса. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(2): 36–66. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.2>

Аннотация. Представлен анализ коллективной инициативной деятельности активных горожан — жителей большого жилого комплекса «Северная долина» в Санкт-Петербурге. Становясь видимыми друг для друга, они сталкиваются и вступают в стратегические взаимоотношения, представляя собой индивидуальные или комплексных «игроков», действующих на «аренах» — онлайн- и офлайн-платформах взаимодействия. Для анализа повседневных практик самоуправления и заботы об общих пространствах и инфраструктурах на уровне соседства автор обращается к концепции городских совместностей (urban commons). В управлении территориями района и общими пространствами крупного жилого комплекса важную роль играет сеть цифровых площадок, созданных жителями на базе социальной сети VK.com. Показано, как эти цифровые площадки участвуют в процессах создания и поддержания границ сообществ производителей совместностей (commoners) и в производстве самих городских совместностей. Предложен концепт распределенного производства совместностей (distributed commoning), который помогает увидеть множество элементов, вовлеченных в их (вос)производство, и учитывать технологические особенности устройства цифровых площадок и их влияние на практики заботы о районе и характеристики возникающих сообществ. Исследование показывает, что формирующиеся сообщества производителей совместностей множественны, неоднородны, текучи и зачастую конфликтны.

Ключевые слова: городские совместности, самоуправление, соседство, сообщество, конфликт, онлайн-инфраструктура, большой жилой комплекс.

Введение

На окраинах крупных российских городов с начала 2010-х годов растут районы новостроек. В массмедиа и публичных дискуссиях их критикуют за множество проблем, связанных с социальной и транспортной инфраструктурой, высотой зданий и качеством общественных пространств. Медиа и эксперты по развитию городской среды называют новые районы «гетто» (см.: Чернышева 2020). Одно из слабых мест новостроек, как указывают критики, — атомизация и пассивность жителей: люди не хотят заботиться о тех пространствах и объектах, которые находятся за пределами частных квартир (Вольянова 2019). Такие рассуждения выглядят убедительно: распад СССР, повлекший за собой серьезные экономические и политические трансформации, установил противоречие между новым социальным порядком, предполагающим превращение горожанина в индивидуального собственника, и старыми ожиданиями в отношении государства как субъекта заботы о жилье. Исследователи указывают, что индивидуальные собственники не чувствуют своей ответственности и не заботятся об общедомовом имуществе (Ермишина, Клименко 2010); у них возникают сложности с эффективной организацией жилищного самоуправления и ведением публичных дискуссий (Вихавайнен 2013; Гладарев 2013; Лобода, Баталова 2012). В то же время, существуют успешные примеры самоорганизации на уровне двора или дома (Клеман, Мирясова 2008, Aksenov 2011), а также кампаний по оспариванию городского пространства (Закирова 2009; Тыканова 2013).

Вовлеченность жителей в практики заботы о жилье действительно имела важное значение в процессах трансформации крупных модернистских жилых комплексов в Европе (Urban 2012; Kovacs et al. 2018). Вопреки суждениям экспертов-урбанистов, жителей новостроек на окраинах Петербурга трудно упрекнуть в том, что они безразличны к местам своего проживания: они демонстрируют целый спектр разнообразных практик самоорганизации и заботы об общих пространствах и ресурсах (Чернышева 2020). Их коллективная инициативная деятельность не столько носит протестный характер, сколько связана с решением повседневных задач по самоуправлению на уровне соседства. Для анализа подобных повседневных практик предлагаю обратиться к концепции городских совместностей (*urban commons*) (Chatterton 2010; Harvey 2011; Foster 2011; Linebaugh 2014; Borch, Kornberger 2015; Stavrides 2016).

Городские совместности — это сложный феномен, представляющий собой совокупность трех компонентов: ресурса, находящегося в общей собственности (формально или в воображении горожан), институтов и пра-

вил обращения с этим ресурсом, а также сообщества, члены которого вовлечены в процессы производства и воспроизводства этого ресурса как общего (Kir et al. 2015). Городские совместности позволяют одновременно и рассматривать процесс активного оспаривания горожанами того режима собственности, в котором находятся различные городские ресурсы (Blomley 2008), и фиксировать повседневные практики производства и воспроизводства этих ресурсов как общих (Williams 2018; Chatterton 2010).

Районы новостроек на окраинах крупных городов — это пространства, в которых заметно формирование городских совместностей. Однако этот процесс имеет свои особенности. Продемонстрирую их на результатах исследования жилого комплекса «Северная долина» на окраине Петербурга. Этот жилой комплекс был одним из первых масштабных проектов комплексного освоения территории (КОТ), которые предполагали создание новых крупных районов с комфортной средой и необходимыми инфраструктурами (Pachenkov et al. 2020). «Северная долина» — типичный пример жилой застройки 2010-х годов и по планировочным решениям, и по социально-демографическим характеристикам жителей, и по проблемам, которые перед ними встают. Жилой комплекс строится с 2009 г., к моменту окончания строительства в 2022 г. его территорию в 270 га будут заселять около 100 тысяч человек, а уже сейчас проживают около 70 000. К настоящему моменту построено 35 жилых корпусов высотой 25–29 этажей. В них живут молодые семьи, имеющие стабильные доходы, что позволяет выплачивать ипотеку (Чернышева 2020). Из-за сложной организации управления территориями КОТ и масштабом жилых зданий жители сталкиваются с проблемами задержки строительства социальной инфраструктуры и сложности организации самоуправления (Pachenkov et al. 2020; Чернышева 2020).

В то же время «Северная долина» уникальна своей масштабной цифровой инфраструктурой — сетью из более ста онлайн-сообществ на базе VK.com, автономных от застройщика и управляемых местными жителями. Многие дома, особенно новостройки, в Петербурге имеют группы в социальных сетях для общения жителей и решения локальных проблем (Voskresenskiy et al. 2016), но в «Северной долине» онлайн-активность жителей очень высока. В самой большой группе жилого комплекса (37 000 подписчиков) жители ежедневно публикуют до 50 постов, каждый из которых собирает от 5 до 300 содержательных комментариев. Именно на страницах VK разворачиваются и становятся заметными практики заботы об общих ресурсах и управления многоквартирными домами. Инфраструктура играет важную роль в процессах (вос)производства городских совместностей в жилом комплексе «Северная долина».

Главный фокус статьи направлен на один из компонентов (вос)производства городских совместностей — сообщество (*commoners*). Само понятие сообщества проблематично в городских исследованиях. В контексте городских совместностей также под вопросом возможность существования устойчивой группы людей, которая могла бы вовлекать объекты и пространства в практики заботы. В статье я прослеживаю, как в современных городах, жизнь в которых пронизана цифровыми инфраструктурами, формируются и функционируют сообщества производителей совместности, а именно как цифровые площадки для соседского общения в ЖК «Северная долина» участвуют в процессах создания и поддержания границ производителей совместностей и в производстве самих городских совместностей.

Учитывая значимость цифровой инфраструктуры в вопросах самоуправления исследуемым жилым районом, я предлагаю концепт *распределенного производства совместностей* (*distributed commoning*), который отсылает к исследованиям производства научного знания и креативных практик (Gieri, Moffat 2003; Farias, Wilkie 2015) и помогает увидеть множество элементов, вовлеченных в (вос)производство совместностей и не отдавать привилегированную роль человеческим субъектам. Чаты, мессенджеры, публичные страницы и группы в социальных сетях в этом случае не рассматриваются как невидимая поддержка «реальных» социальных отношений и взаимодействий. Напротив, ограничения, которые накладывает их устройство, и возможности, которые оно создает, влияют на динамику сообществ и процессы (вос)производства совместностей.

Несмотря на то что соседские сообщества представляются однородными и цельными (Павлов 2016), исследование показывает, что в рамках производства совместностей они скорее множественны, комплексны и зачастую конфликтны. Социальные медиа способствует «появлению и распространению многочисленных коллективных “мы” и позволяют им претендовать на признание в политическом процессе» (Bakardjieva 2015: 986). (Вос)производство городских совместностей, таким образом, из перспективы анализа участвующих групп балансирует между конфликтом и сотрудничеством. Эта ситуация хорошо описывается через понятия «игроков» — индивидов и/или групп индивидов, имеющих свой интерес и видение развития ситуации, действующих на «аренах» — публичных платформах, функционирующих в соответствии с определенными правилами и ресурсами, которые допускают и поощряют определенные виды взаимодействия (Jasper 2015; Jasper, Duyvendak 2015). В конфликтных ситуациях сталкиваются разные практики заботы о городской территории (двора, района) и общих пространствах (дома): различные «игроки»,

выступая на офлайн- и онлайн-«аренах» и привлекая различные ресурсы, оспаривают и производят городские совместности. Я покажу, как в процессах медиированного цифровыми платформами самоуправления жильем возникает множество таких «игроков» — групп производителей совместности — и какие отношения возникают между ними.

Статья опирается на материалы, собранные с 2016 по 2019 г. в рамках стратегии цифровой этнографии (Hine 2015). Основной массив данных включает, во-первых, 21 интервью с жителями «Северной долины», имеющими разный опыт самоуправления и уровень вовлеченности в заботу о районе, а также с разной частотой и в разных ролях участвующими в работе цифровой инфраструктуры соседства. Во-вторых, я опираюсь на анализ 110 отобранных постов и последующих дискуссий длиной от 10 до 250 комментариев, опубликованных на самой крупной по числу подписчиков онлайн-странице «Северной долины» на платформе VK.com*. Посты отобраны в соответствии с основными темами обсуждений в онлайн-группах новых жилых районов (Voskresenskiy et al. 2016). Наконец, я обращаюсь к полевым дневникам — материалам 5-часового наблюдения публичных мероприятий по вопросам управления территорией жилого комплекса.

От «общего» к «городским совместностям»

В 2010 г. на русском языке вышла работы Элинон Остром «Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности». Этот текст, написанный еще в 1990 г., принес автору Нобелевскую премию, а понятие commons, переведенное на русский язык как «общее» или «общие ресурсы», сделал актуальным и широко используемым аналитическим концептом, позволяющим рассматривать вопросы коллективного производства, управления и использования ресурсов, в том числе в рамках коллективного проживания людей в городах.

Еще в середине XX в. в экономической науке возник вопрос о форме эффективного управления общими ресурсами. Ресурсы истощаются, если их пользователи стремятся максимизировать свои выгоды и, например, вылавливают всю рыбу из водоема, не задумываясь о воспроизводстве ее популяции, или увеличивают поголовье скота в своих стадах, ухудшая тем самым состояние пастбищ (Hardin 1968; Scott 1955). В логике этого подхода «то, что принадлежит всем, не принадлежит никому» (Scott 1955: 135; цит. по: Бычкова 2013), а значит, использование подобных ресурсов обобщается «трагедией ресурсов общего пользования» (tragedy of commons) (Hardin 1968). Решением проблемы казалось или появление внешней

* Страница «Парнас Сити», 38 000 подписчиков. URL: <https://vk.com/sdnovosti>.

принуждающей власти, ограничивающей действия пользователей и управляющей ресурсом (например, в рамках национализации), или же, напротив, четкое определение границ и прав собственности (в том числе приватизация) (Hardin 1968). Остром в своей работе рассмотрела успешные случаи управления общими ресурсами и смогла убедительно показать, что «трагедия ресурсов общего пользования» не единственный сценарий: небольшие горизонтальные сообщества эффективно управляют общими ресурсами, следуют правилам, договариваются и не допускают их истощения (Остром 2010).

Два центральных понятия, с которыми работала Остром, — «ресурсы общего пользования» (common pool resources) и «общее» (commons). Первое указывает на специфическую форму блага, которое является предметом конкуренции (т.е. его можно исчерпать) и не исключает отдельных потребителей. Второе также указывает на ресурс, но подразумевает также «рассуждения о демократическом духе общих благ» (Бычкова 2013: 125). Именно это понятие вышло далеко за пределы неинституционального подхода и нашло себя во множестве исследований: разнообразие областей, в которых последние годы исследователи обнаруживают «общее» (commons), включает уже академическую практику и данные, окружающую среду и биоразнообразие, искусство, национальные культуры и языки и многое другое* (Hess 2008: 6–7).

Город не стал исключением, и проблематику коллективного доступа и совместного использования городских ресурсов и пространств стали описывать понятием «urban commons», или «городская совместность»**. Городские совместности чаще всего представляют собой ограниченные пространства — площади, парки, улицы, городские рынки, жилые районы (Boydell, Searle 2014; Kohn 2004; Foster 2011; Делленбо и др. 2020). Они открыты для использования большому количеству людей, и никто не обладает исключительным правом устанавливать правила их использования (Stavrides 2016).

* Понятие активно используют не только в академической, но и в активистской практике, его значение изменяется и размывается (Wagner et al. 2012).

** Так был сделан перевод на русский язык центрального понятия сборника (см.: Делленбо М. и др. 2020). Переводчик и научный редактор издания объясняют это необходимостью провести методологическую границу между подходом Элинор Остром и тем, что обычно стоит за понятием «urban commons». Кроме того, «совместность» хорошо отражает специфику городских исследований, поскольку «сохраняет значение “осуществляемый сразу несколькими субъектами” и в то же время сохраняет указание на “место”, в котором осуществляется действие (“совместность”» (Делленбо М. и др. 2020: 7).

Критическая социология города, которая с энтузиазмом взяла на вооружение понятие совместностей, иначе видит его (предна)значение. Один из наиболее радикальных подходов предполагает, что город сам по себе есть совместность (Chatterton 2010). Несмотря на то что исторически капиталистическая «природа» города противопоставлялась совместностной «природе» сельской общины, равно как потребление противопоставляется производству (Linebaugh 2014), в его границах можно обнаружить разнообразные практики сопротивления существующему порядку — декоммодификацию городской жизни путем усиления солидарности горожан и развития вне рыночных практик обмена (De Angelis 2007). Город как совместность — это скорее политическое заявление о потенциальном будущем, которое должно сложиться в результате сопротивления и коллективного действия горожан. Как указывает Питер Лайнбо, «город должен стать совместностью (commonized), насколько бы беспрецедентной в исторической перспективе ни казалась эта задача» (Linebaugh 2014: 40).

В чуть более узком понимании городская совместность представляет собой «сложную социальную и политическую экологию, которая артикулирует особые социопространственные практики, социальные отношения и формы управления, которые участвуют в ее поддержании, производстве и воспроизводстве» (Chatterton 2010: 626). Компонентами этой экологии можно признать те центральные элементы анализа городских совместностей, которые выделяют Маркус Кип и его соавторы (Kip et al. 2015): а) ресурс, который требует управления; б) правила его использования; в) сообщество, которое этим ресурсом пользуется и управляет — сообщество производителей совместности (commoners). Все три компонента становятся проблематичными, когда речь заходит именно о *городской* совместности (Kip et al. 2015).

Неустойчивые и конкурентные городские совместности и их производители

Одна из центральных особенностей городских совместностей заключается в том, что ресурсы в условиях города не имеют четких границ. Кроме того, один и тот же городской феномен может быть совместностями разного рода. Например, для одних горожан парк является совместностью, поскольку это общественное пространство для отдыха, для других может быть важна его историческая ценность, для третьих — экологическая. Отсюда вытекает одна из важных методологических особенностей работы с городской совместностью: она не является «готовым» ресурсом, которым нужно управлять, не ограничивается физическими атрибутами

объектов и пространств, но формируется и поддерживается практиками тех, кто вовлечен в процессы ее производства и воспроизводства. Не столь важен формальный режим собственности, важнее практики (Williams 2018). Совместность предстает процессуальным феноменом, *commoning* (действием), а не *commons* (объектом). Это нестабильный и динамичный феномен (Chatterton 2010; Harvey 2011), несущий отпечаток сформировавшихся его социальных отношений (Chatterton 2010), но постоянно перепределяющийся.

Другая сложность заключается в особенностях городских ресурсов. Например, городское пространство, с одной стороны, страдает от перепотребления горожанами, с другой — не истощается, а, напротив, обогащается от использования (Rose 1986; Kohn 2004). Городские улицы получают выгоду от того, что начинают использоваться большим количеством людей, так как становятся безопаснее (Jacobs 1961).

Что касается правил использования совместных ресурсов, горожане постоянно оспаривают их (Parker, Johansson 2012; см. также: Кип 2020). В результате совместность оказывается крайне нестабильна в отношении правил использования.

Наконец, еще одна особенность городской совместности — неясные границы группы ее производителей. Как я уже отметила выше, ресурс может стать совместностью только в том случае, когда он вовлекается в практики производства совместности (*commoning practices*) (Linebaugh 2008; Chatterton 2010). Это означает, что практики производства формируют не только «объект» (совместность), но и одновременно «субъект(ы)» — *commoners*, или производителей совместности (Linebaugh 2014; Stavrides 2016).

Производителей совместности называют городскими сообществами. Это базовое для городских исследований понятие в данном случае очерчивает коллективный субъект (часто — организованный, имеющий институциональную основу) и указывает на связи между отдельными горожанами, их общий интерес и схожие практики в отношении ресурса общего пользования — практики заботы, а не только потребления.

Проблематичны по меньшей мере два аспекта в функционировании сообществ применительно к городским совместностям. Во-первых, сообщества, которые выступают в разных эмпирических случаях в роли производителей *городской* совместности, разительно отличаются по своим масштабам от тех, что представлены в классических работах по этой теме. Большой масштаб городских совместностей при этом сочетается с «недостатком различимости отдельных индивидов» (Кип 2020: 61), а «продолжающаяся урбанизация общества со всеми ее мобильностями, скоротеч-

ностями и множественностями субъективностей постоянно подрывает и оспаривает установленные границы» (Кип и др. 2020: 22). Сообщества производителей городской совместности текучие и неопределенные, зачастую формируются ситуативно и в целом могут быть описаны понятием сообщества практики (Wenger 2001): у входящих в них горожан есть общий опыт (в котором конституируется общий ресурс), общий интерес (представления о должном обращении с этим ресурсом), они взаимодействуют друг с другом по поводу реализации этого интереса, а также мобилизуют доступные коллективные и индивидуальные ресурсы в практиках решения проблем.

Во-вторых, сообщества производителей совместности множественны. Учитывая описанный выше характер сообществ, они могут входить в противоречие уже не только с государством и рынком, но и друг с другом. Поскольку ресурсы никогда не «даны», разные группы горожан могут определять их по-своему (Kip et al. 2015), порой разворачивая конфликтующие практики вокруг одних и тех же пространств. Так, жители Берлина стремились повлиять на судьбу энергосетей города: для этого они организовали два сообщества, две конкурирующие организационные формы, каждая из которых стремилась отстаивать принципы горизонтального управления и автономии и добивалась декоммодификации ресурса (электроэнергии) (Becker et al. 2015). Хотя вопрос конфликтности существования двух сообществ не был проблематизирован авторами, он неизбежно беспокоит читателя: когда множественные группы вовлекают в свои практики заботы один тот же ресурс разными способами, борьба может идти уже не только за автономию от государства и рынка, но и против огораживания и вторжения со стороны иного сообщества производителей совместности.

Подобные ситуации остаются без внимания в литературе о городских совместностях. Процессы взаимодействия групп производителей совместности можно рассматривать с помощью понятий «игроков» и «арен», предложенных в текстах Джеймса Джаспера и Яна Виллема Дайвендака (Jasper 2015; Jasper, Duyvendak 2015). Крупный комплексный игрок (жители района), который может выступать кооперативно в случае борьбы за какие-то блага (например, за строительство школ в районе или против строительства нелегального ларька) против государства и рынка, дробится на более мелких игроков, каждый из которых производит свои совместности. В том случае, когда группы распознают друг друга в пространстве, а производимые ими совместностные ресурсы совпадают, возникает конфликтная ситуация, требующая согласования интересов на различных аренах, в том числе онлайн.

Таким образом, концепция городских совместностей опирается на понятие сообщества, но редко обращает внимание на то, что стоит за этим понятием: в отличие от традиционных сельских групп производителей совместностей, ставших эмпирической базой концепции Остром и других исследователей, городские коллективные субъекты заботы неустойчивы и размыты. Современные городские сообщества — это гибкие, ситуативные, основанные на совместной практике группы, которые формируются одновременно с самой совместностью. Важно держать в фокусе, что они собой представляют и как они соотносятся между собой.

Цифровая медиация и городские сообщества

В исследовании городских совместностей не стоит оставлять за скобками процессы цифровой медиации. Технологии, в частности Интернет, с одной стороны, могут порождать изоляцию и атомизацию горожан (Nie 2001), а значит, угрожать формированию городских (территориальных) сообществ (Slouka 1995; см. также: Wellman 1999). С другой стороны, Интернет формирует распределенные в пространстве сообщества (Wellman, Naythornthwaite 2008) и создает новые формы сообществ, не замкнутые в онлайн- или офлайн-пространствах (Rheingold 2000; Miller, Slater 2000). Онлайн-практики становятся повседневными (Hine 2015), а Интернет настолько вседесущим, что «мы думаем не о нем, а посредством него» (Markham 2017: 650; курсив в оригинале).

Внимание к Интернету позволяет переосмыслить не только организацию соседских сообществ, но и устройство коллективного политического действия. В таких работах затрагиваются темы, релевантные для дискуссии о городских совместностях: мобилизующая роль социальных медиа в политических протестах (Gerbaudo 2012), использование социальных сетей для поддержания солидарности в конфликтных ситуациях (Miller et al. 2016), отношения понятия гражданства и интернет-практик (Chadwick, Howard 2010), коллективные идентичности участников в рамках онлайн-активизма (Gerbaudo, Treré 2015), роль медиа в пострепрезентативных формах демократии (Tufekci 2014), реконфигурация организационных структур и репертуаров коллективных действий с помощью Интернета (Earl, Kimport 2011; McCaughey, Ayers 2003), а также гибридные коммуникативные практики участников социальных движений (Treré 2018).

Следуя методологии исследований науки и технологий (STS) и media studies, стоит учитывать этот гибридный характер повседневной коллективной жизни. Цифровые платформы — сайты, социальные сети, приложения, мессенджеры — я предлагаю рассматривать не как фон, на котором

разворачиваются социальные взаимодействия горожан, или инструмент построения сообществ. В рамках социальных движений для вовлечения сторонников, продвижения идей, концентрации власти и влияния на политических акторов (Treré 2018) формируются гибриды физического и цифрового, материального и социального, человеческого и нечеловеческого. Аналогичные гибриды мобилизуются и в рамках повседневного самоуправления территорией большого жилого комплекса, как я покажу далее. Цифровые платформы в этих процессах выходят за рамки инструментальной роли и предстают активными участниками — медиаторами — восстановления каких-либо феноменов (Latour 2000), определяя ограничения и возможности для пользователя (Hine 2015; Marres, Moats 2015).

Внимание к материальным контекстам и цифровым девайсам и практикам изменяет способ концептуализации городских совместностей. Они предстают «распределенным объектом» (distributed matter) по аналогии с тем, как в научной практике ученых возникает «распределенное познание» (distributed cognition) (Geri, Moffat 2003), а в художественных мастерских формируется «распределенная креативность» (distributed creativity) (Fariás, Wilkie 2015). Производство совместности — это сложный процесс, в который включаются как человеческие, так и нечеловеческие элементы.

Роль цифровых инфраструктур в производстве городских совместностей — один из фокусов статьи. В следующих частях, описывая процессы формирования городских совместностей и групп их производителей, я буду обращать внимание на то, какую работу берут на себя социальные сети и мессенджеры, т.е. как реализуется распределенное производство совместностей в многоквартирных домах на окраине Петербурга.

Сложности управления многоквартирным домом: собственники, управляющая компания и борьба за автономию

Появление производителей городских совместностей сопряжено с процессом выстраивания автономии от институтов государства и частных компаний. Формально жители дома изначально представляют собой именно такую автономную группу: приобретая квартиру в частную собственность, человек получает также долю общедомового имущества. Согласно Жилищному кодексу, управление объектами общего имущества (территорией, инфраструктурами и т.п.) осуществляется собранием собственников многоквартирного дома. Фактически общее имущество дома можно рассматривать как готовый предзаданный ресурс, собственников — автоматически сформированную вокруг него группу людей, а закон и решения собрания собственников — правилами или институтами. Все

указывает на то, что мы имеем дело с «общим управлением» в том смысле, какой вкладывала в это понятие Элинор Остром и ее последователи.

Сложности начинаются, когда на практике многоквартирный дом оказывается куда масштабнее того, что предполагает закон: небольшой дом из четырех квартир в центре города должен управляться по тем же правилам, что и самый большой жилой дом в Петербурге, в котором расположено 3575 квартир. Дом, число жителей которого сопоставимо с населением малых городов России, скажем, Ивангорода или Суздаля, должен управляться инструментами прямой демократии, т.е. голосованием собственников помещений из расчета равенства одного квадратного метра собственности одному голосу.

Автономия собственников квартир хоть и регламентирована законом на практике в некоторых случаях не реализуется. Во-первых, собственники могут добровольно не участвовать в принятии решений. Закон не принуждает их управлять общим имуществом, а лишь дает инструменты. На этот случай, по закону, другие агенты городского управления, в первую очередь муниципальные власти и управляющая организация (более известная как управляющая компания, УК), берут на себя обязанности по организации собрания собственников и разными средствами пытаются получить коллективные решения. Это необходимость: без решения собственников невозможно даже организовать оказание услуг коммунальными службами. Во-вторых, интересы внешних агентов могут входить в противоречие с автономией жильцов дома. В столкновении с внешними агентами, посягающими на возможности управления общедомовым имуществом, тарифной системой и способами организации коммунальных услуг, рождается не просто предзаданное законом общее управление, но и автономная и артикулирующая саму себя городская совместность.

Так, исходя из текста Жилищного кодекса (Жилищный кодекс...), собственники нанимают УК, которая занимается ремонтом, уборкой общих помещений, обеспечением поставки воды, энергии и т.п. Любые изменения в формате работы компании должны быть согласованы с собранием собственников — центральным органом управления многоквартирным домом. На практике отношения УК и собственников устроены иначе. Алексей и Мария, жители одного из первых домов в «Северной долине», на мой вопрос о том, какова роль управляющей компании в жизни района, отвечали, что она *владеет* общедомовой собственностью: межквартирные коридоры на этажах и газоны перед домом: *Это как бы получается, собственность управляющей компании, а жильцы, скажем так, оплачивают просто поддержание, оплачивают свое пользование этой собственностью* (Алексей и Мария, интервью). Понять, почему вообра-

жаемая роль УК настолько велика, можно, если присмотреться к особенностям формы городского управления и развития, в рамках которой выросли дома «Северной долины». Эта форма носит название комплексное освоение территорий (КОТ) и предполагает, что городская администрация отдает одному застройщику крупную территорию на периферии города для планировки и строительства целого городского района по единому проекту (Постановление Правительства...; Челнокова и Гуревич 2017). Территория находится в аренде у застройщика до окончания работ; каждое новое жилое здание становится собственностью горожан, купивших там квартиры или нежилые коммерческие помещения. Для удобства управления арендованной территорией застройщик создает себе дочернюю компанию: с ней удобно взаимодействовать, в частности легко решать вопросы по гарантийным случаям ремонта домов.

Между тем, чтобы получить статус управляющей организации конкретного дома, коммерческой компании требуется подтверждение со стороны собрания собственников этого дома. Они должны участвовать в очном, очно-заочном или заочном собрании и делегировать предложенной застройщиком компании право управлять их общей собственностью. Поскольку провести собрание еще не заселившихся собственников почти невозможно (а результаты такого собрания могут быть непредсказуемыми), застройщик предлагает голосовать в момент получения ключей от квартиры. Подписывая бумаги, счастливые обладатели нового жилья не всегда понимают процедуру и свои права, не имеют возможности принять взвешенное решение, но фактически участвуют в формальной процедуре голосования. Оксана, активистка одного из домов, вспоминает в интервью, что *сама была свидетелем, когда людям давали вот это все подписывать, и молодой человек <...> бил копытом, ему нужны ключи, и он говорил: покажите, где, что поставить какие галочки и подписаться? Дайте ключи, и я пошел*. В результате во всех 35 построенных корпусах ЖК работает одна и та же УК.

В дальнейшем возникает конфликтная ситуация: жители могут быть недовольны работой УК, поскольку они заинтересованы в низких ценах на жилищно-коммунальные услуги и высоком качестве обслуживания дома, а УК, как и любая иная коммерческая компания, работает в логике рынка и заинтересована в получении прибыли и уменьшении издержек. Будучи заказчиком, собственники помещений могут среди прочего отказаться от услуг одной УК в пользу другой, управлять размерами тарифов на коммунальные услуги и распоряжаться средствами, полученными, например, от размещения рекламы на фасадах. Но перед ними встает вызов масштаба объекта управления и сопротивление УК. За возможность

реализовывать свои права на автономию принятия решений, как и за создание субъекта коллективных действий, приходится побороться.

Активистка Оксана рассказывает в своем интервью о том, как УК ограничивает возможность жителей участвовать в управлении: компания не раскрывает информацию о зароботке и тратах на содержание дома: *Никто не отчитывался перед нами. И не считает нужным.* Без этой информации жители не могут принимать взвешенные решения относительно эффективности работы УК и распоряжаться заработанными средствами. Управляющая компания, по словам жителей дома, не считает нужным получать разрешение собственников на изменение тарифов или использует свои ресурсы, для того чтобы сформировать документы о проведенном собрании, вызывающие у местных активистов недоверие. *Будем называть вещи своими именами»,* — говорит мне в интервью Екатерина, активистка из другого дома, — *я думаю, что собрание [по поводу повышения тарифов на услуги ЖКХ в 2014 г.] было фиктивным.*

Провести собрание собственников и собрать кворум (51 % голосов) в гигантском доме трудно по множеству причин. Арендаторы квартир* не могут голосовать, а собственники далеко не всегда доступны для связи. Жители «Северной долины» называют среди причин и общую пассивность своих соседей, нежелание участвовать в решении общих вопросов. Наконец, организацию собрания саботирует УК, об этом, в частности, рассказывает Екатерина в своем интервью: *И [при проведении заочного собрания] столкнулись мы с очень ярким противостоянием управляющей компании. Во-первых, вся информация [развешенная в общих коридорах и холлах домов] убиралась. То есть мы пытались донести своим соседям, что мы есть, что есть движение. Инициативная группа.*

О какой группе идет речь? Для того чтобы собрание собственников жилых помещений состоялось, кто-то должен его инициировать, создать повестку, напечатать бюллетени и провести большую работу, прежде чем жители, имеющие права голоса, получат возможность это право реализовать. Обычно этим занимаются инициативные группы. Члены инициативной группы размещали информацию о собрании и голосовании в холлах и на этажах, но работники управляющей компании *вместо того, чтобы убирать придомовую территорию, заниматься непосредственно обходом мест общего пользования, выявлять какие-то нарушения, т.е. какое-то ненадлежащее состояние нашего дома, они ходили как на работу и снимали наши объявления,* — рассказывает Екатерина в интервью.

* По данным застройщика, арендаторы составляют около 20 % жителей «Северной долины».

Помещения дома контролирует управляющая компания, объявления пропадают, а собрание оказывается под угрозой срыва. Однако инициативные группы находят способ бороться за самоуправление, и удобным инструментом для этого становятся цифровые площадки — чаты в WhatsApp и Telegram, а также группы и публичные страницы на VK.com. Эти онлайн-пространства автономны, ими управляют администратор из числа жителей дома или района, возможности управляющей компании, застройщика, государственных органов или иных агентов влиять на происходящее на этих платформах весьма ограничено. Создавая и поддерживая работу онлайн-сообщества жильцов дома на VK.com, члены инициативной группы получают возможность распространять информацию, релевантную вопросам самоуправления многоквартирными домами, формировать базу данных, создавать летопись событий, происходящий в рамках кампаний по принятию управленческих решений, вести обсуждения актуальных вопросов со всеми жителями, имеющими доступ к онлайн-платформам, и т.д.

Таким образом, управление многоквартирным домом представляет собой сложный процесс. Масштабы домов в «Северной долине» таковы, что механизмы управления складываются из работы спонтанно сформированной инициативной группы, которая отстаивает автономию собственников квартир как коллективного субъекта управления и формирует повестку, а также из легитимации этих управленческих решений со стороны собственников путем голосования. Дом и придомовая территория производятся как городская совместность сперва в практиках инициативных групп, а уже после в практиках всех голосующих собственников. Получается, что производители совместности — это не единый монолитный субъект, но комплексный, более того, этот субъект медируется онлайн-платформами.

Разнообразие режимов участия и практик производства совместностей

Цифровая инфраструктура не ограничивается медиацией принятия формальных управленческих решений. В общерайонных группах и группах отдельных домов на VK.com у пользователей возникает обширный репертуар форматов участия в управлении. Своими цифровыми практиками они выстраивают границы городских совместностей, осуществляют контроль над пространствами, а также проявляют заботу по отношению к ресурсам, которыми коллективно пользуются.

Так, обычный коридор многоквартирного дома, будучи местом общего пользования и общедолевой собственностью тех, кто владеет кварти-

рами в этом доме, становится объектом заботы жителей — необязательно собственников. Несмотря на то что основная работа по поддержанию чистоты переложена на плечи управляющей компании и оплачивается по счетам, жители домов все равно «наводят порядок» своими силами. Они сообщают о беспорядке и неисправности в управляющую компанию, самостоятельно убирают мусор или чинят мусоропровод, чтобы избавить весь этаж от запахов. В онлайн-пространстве разворачиваются попытки установления правил коллективного использования этого пространства. *Никто не собирается вместо уборщицы делать ее работу, но чисто по-человечески, если сильно намусорил, то убери за собой,* — пишет Настя* в ответ на сообщение соседки о том, что елка, которую ее соседи выкидывали после Нового года, осыпалась в общем коридоре и иголки разлетелись по всему полу. Наталья в своем комментарии делится опытом о том, как воздействовать на «нарушителей», которые не хотят заботиться об общих пространствах: *У нас года два назад у мусоропровода оставляли коробки из-под пиццы; после записок все стало лучше; а вообще можно же самим это выкинуть, чтобы избежать размножения крыс.* Наталья уверена, что «нарушители» меняют свои практики, когда видят осуждение со стороны соседей на онлайн-площадках: *Фуканье много-тысячной группы может навести их на мысль,* — пишет она в комментарии. Таким образом, цифровые практики — публикация фотографий и обсуждение — являются практиками производства совместности: именно в них общий коридор и другие пространства и объекты обретают свои свойства ресурса коллективного пользования, который жители распознают именно как «наш коридор» (Chernysheva, Sezneva 2020), т.е. требующий контроля, заботы и вовлечения всех пользователей.

В случае с коридором и холлом дома формальные границы общей собственности и границы пространства, вокруг которого реализуются практики производства совместности, совпадают. В иных случаях совместность возникает там, где формальных условий для этого не задано. Например, придомовая территория далеко не во всех случаях является общедолевой собственностью жителей дома, однако становится совместностью. Особенности этого процесса хорошо видны в так называемых «посадочных войнах» (как их назвала одна из жительниц в интервью) — спорах о том, какие растения и деревья стоит сажать в палисаднике домов и как «правильно» о них заботиться.

* Здесь и далее представлены посты и комментарии, оставленные пользователями онлайн-групп «Северной долины» на платформе VK.com. В целях анонимизации я не привожу ссылки на конкретные группы и изменяю имена пользователей.

Перед сдачей домов застройщик благоустроил небольшие зеленые газоны между домами. Некоторые жители решили улучшить качество озеленения района и взялись сажать на этих газонах другие растения. Одна из жительниц «Северной долины» — Оксана — взяла на себя работу по озеленению. Она аргументировала это не только своим желанием сделать «хорошо» всем жителям двора, но и тем, что имеет специальное образование в области ландшафтного дизайна, а значит, сделает все грамотно и эстетично. Некоторые жители дома были готовы передать ей деньги на покупку саженцев, другие приносили свою рассаду, хотели помогать в поливе и уходе. Посадки растений на территории у дома стали еще одной городской совместностью. Однако со временем экспертная позиция, которую заняла Оксана, привела к вытеснению других желающих стать производителями городской совместности. *Доходило до того, — говорит соседка Оксаны в интервью, — что вот если вы хотите посадить, надо к кому-то там обращаться*, имея в виду, что Оксана взяла на себя право решать, как должны выглядеть зеленые зоны во дворе. В конечном счете *люди перестали выходить, сажать — лучше ну его нафиг, нам уже ничего не надо*. Никто не хотел открыто критиковать Оксану в онлайн-группе дома, поскольку она является там администратором, т.е. обладает исключительной властью блокировать пользователей и удалять сообщения.

В другом дворе Анна увидела, как ее пожилая соседка занимается переустройством пространства. Анна пожаловалась администратору дома и написала об этом в одной из соседских онлайн-групп: *Бесит у 4 парадной с черной лестницы. Банки <...>, белые рваные завязки и непонятные палки! <...> Я пыталась поговорить с бабушкой и попросить не делать эти колхозные заборы! Но где там, целая истерика!!!! <...> Даже не понимает, что для травы газоны и созданы, сказала, что я ей в душу плюнула. <...>, что никто ничего не делает, а она ОЗЕЛЕНЯЕТ.*

Анну поддержали и другие соседи, которые согласились, что газоны должны оставаться газонами, а подобные трансформации превращают придомовую территорию в колхоз. В этом сюжете сталкиваются не только представления об эстетике, но и вопрос правил использования общего ресурса. Соседка Анны, впрочем, как и Оксана из соседнего двора, стремилась создать благо для всех жителей, но была воспринята «захватчицей» пространства, потому что не согласовала свой план с другими жителями. В этом споре зеленая зона у дома стала городской совместностью.

Существует широкий репертуар практик производства совместностей — как оффлайн, так и онлайн. Цифровые платформы дают возможность участвовать в определении границ совместностей, выражать свои

беспокойства по поводу того, кто и как обращается с ресурсами. Вовлекаемые в дискуссии объекты и пространства предстают городскими совместностями, равно как сообщества производителей совместностей проявляются в онлайн-практиках.

Множественность коллективных субъектов управления

При анализе совместностей неизбежно возникает вопрос: *кто* получает автономию и право управлять? Границы *чего именно* помогает производить цифровая инфраструктура? Эти вопросы напрямую связаны с тем, в какой форме существуют производители совместности, и с тем, каково устройство медирующих цифровых инфраструктур.

В одном и том же доме вокруг одних и тех же объектов заботы могут одновременно сосуществовать несколько (не)знающих друг о друге, пересекающихся или полностью автономных инициативных групп. Эти группы поддерживаются онлайн-инфраструктурой и возникают на ее основе. Житель может одновременно состоять и общаться в группах своего подъезда, дома, очереди (группы домов) и всего района; в группах, объединяющих владельцев собак и игроков в футбол, а также в чатах для тех, кто озеленяет двор или готовит коллективную петицию. Эти разномасштабные сообщества производят разные совместности в рамках одного района или могут конфликтовать по поводу форматов заботы об одном и том же объекте.

«Посадочные войны» и коридорные споры раскрывают способность цифровой медиации делать совместности видимыми и включать большее количество людей в число производителей совместности. Другие истории, наоборот, указывают на то, как устройство онлайн-площадки позволяет исключать из числа производителей совместности. История Елены как раз о внутренних возможностях, связанных с управлением онлайн-страницами.

Елена въезжала в только что сданный застройщиком новый дом одновременно со своими соседями. Еще до заселения она организовала группу дома на платформе VK.com и стала ее администратором. В этой группе она следила за ходом строительства и обсуждала разные соседские вопросы. И до получения ключей, и после Елене очень нравилась «атмосфера», которая сложилась на этой онлайн-площадке: активные дискуссии с соседями, взаимопомощь, шутки. Спустя несколько месяцев жизни в новом доме она объединилась с другими активными соседями в инициативную группу и избралась членом совета дома. Однако затем другие жители (некоторые из них тоже входили в число администраторов онлайн-группы) начали критиковать ее работу, публиковать неинтересные с ее точки

зрения материалы, спорить. Чтобы сохранить «атмосферу», которая ей так нравилась, Елена решила избавиться от недовольных: воспользовавшись правами администратора онлайн-группы, однажды ночью она добавила их в черный список группы, оставшись единственным администратором. Исключенные жители начали борьбу с Еленой, привлекая администраторов платформы VK.com: те вернули им право администрирования страницы. Переворот не удался. Елене пришлось уйти побежденной. Она не отчаялась и создала еще одну онлайн-группу для соседского общения, пригласив в нее наиболее приятных ей соседей. В доме возникли две группы производителей совместности, объекты заботы которых совпадают, а интересы сталкиваются.

Для того чтобы инфраструктура работала, необходимы агенты, которые будут ее поддерживать. В случае соседства, как видно из истории, центральными агентами являются администраторы онлайн-групп. Социальная сеть предоставляет администраторам права управлять производством границ онлайн-сообществ: они могут блокировать пользователей, удалять их высказывания, закрывать доступ одним и открывать другим пользователям. Давая возможности участия и вовлечения, инфраструктура одновременно производит отношения власти в горизонтальных коллективах, к числу которых (концептуально) относятся производители совместностей.

И эта история, и те, что уже обсуждались выше, иллюстрируют тезис о множественности производителей совместности: жители новостроек организуются в непредсказуемые по составу группы, границы которых поддерживаются, регулируются или оспариваются средствами цифровых платформ. Эти группы заявляют о своих практиках в отношении определенных ресурсов и, таким образом, производят совместности и себя как сообщество. Внутренние возможности, связанные с управлением страницами, становятся критически важными для динамики сообществ производителей совместностей. Архитектура онлайн-площадок создает множественные совместности, иногда сталкивая несколько сообществ их производителей. Инфраструктура дает возможность жителям включаться в заботу о своем доме или районе, делать видимыми себя и свои интересы, противостоять «захвату» совместностей УК или узкой группой производителей, управляющих ими без согласования с другими. В то же время онлайн-инфраструктура поддерживает границы групп и может быть мобилизована для того, чтобы нейтрализовать чужие практики производства совместности. Цифровые площадки наделяют огромными правами администраторов онлайн-сообществ, что влияет на офлайн-процессы производства городских совместностей.

Заключение

В статье я рассматривала концепцию urban commons, или городских совместностей, в которой фокус исследователя направлен на отношения между ресурсом, сообществом, которое этот ресурс признает общим, и практиками вос(производства) и ресурса, и сообщества. Масштаб — это один из важнейших вызовов для городских совместностей (Harvey 2011). Я предприняла попытку показать, как работает концепция, рожденная из эмпирических исследований небольших сельских общин, в масштабах соседства в большом жилом комплексе на окраине Петербурга. В центре внимания — не полторы сотни сельских жителей, стремящихся избежать истощения пастбищ для скота, а около семидесяти тысяч человек, соседей, которые в разной степени вовлечены в заботу об объектах и пространствах в своих домах и дворах.

В (вос)производстве совместностей большого жилого комплекса, о котором шла речь, масштаб играет особую роль. Формально все собственники помещений имеют право принятия решений по поводу их общедомовых ресурсов, и следование разработанным процедурам управления многоквартирным домом — это единственная легальная форма превращения его в городскую совместность. Между тем слишком большое число решающих субъектов коллективного управления может блокировать принятие решения и приводить к так называемой «трагедии антиобщих ресурсов» (tragedy of anticommuns) (Heller 1998). Действительно, в огромном многоквартирном доме жителям трудно собираться и реализовывать процедуры прямой демократии, особенно если на их автономию покушаются рыночные структуры вроде управляющей компании. Как в таких условиях могут формироваться городские совместности? Какие особенности этих совместностей становятся видны в многообразии практик жителей большого жилого комплекса?

Более того, пространства, которые формально находятся в общедомовой собственности в большом жилом комплексе, не формируют городских совместностей по умолчанию. В то же время те объекты и пространства, которые не находятся в коллективной собственности, могут попадать в такой набор практик, который одновременно формирует и этот ресурс как совместность, и сообщество горожан как производителей совместности. Отсутствие формальных правил и процедур в отношении таких ресурсов делают процессы производства совместностей конфликтными, а саму форму сообщества — весьма проблематичной.

В статье я предложила две центральные идеи. Первая — стоит обратить внимание на то, что значимая роль в процессе производства совмест-

ностей в большом жилом комплексе отводится цифровой инфраструктуре: этот процесс можно назвать *распределенным производством совместностей*. Те возможности, которые дает инфраструктура, напрямую влияют на то, как определяются, формируются и поддерживаются границы сообществ производителей совместности. Вторая идея касается множественности таких сообществ — пересекающихся, не замечающих друг друга, а иногда и открыто сталкивающихся.

Попытка создать работающий (принимающий решения) коллективный субъект из собственников многоквартирного дома лишь на базе описанного в законе института не всегда оборачивается успехом, и онлайн-площадки в какой-то мере могут помогать в его создании. Однако цифровая инфраструктура, как я показала на примере многочисленных эпизодов конфликтов жителей с управляющей компанией и между собой, не просто пространство, отражающее процессы борьбы за автономию, но и медиатор, который (вос)производит границы тех, кто становится субъектом управления районом, высказывает свои мнения и практически влияет на состояние общего и режимы заботы о нем. Так, она, с одной стороны, поддерживает тех, кто, не репрезентируя всех жителей, принимает решения о трансформациях пространства района и воплощает их, например, в форме цветников, с другой стороны, делает видимыми голоса тех, кто также претендует на участие в принятии решения, но остается незамеченным. Помимо видимости, цифровая инфраструктура дает возможность практиковать заботу о доме и районе в разных режимах — с помощью обмена знаниями, поддержки в форме лайков и репостов, артикуляции в комментариях и обсуждениях правил совместной жизни, созданием альтернативных целеориентированных онлайн-площадок для проведения мероприятий или координации офлайн-деятельности и т.д. Все это практики производства городских совместностей. Цифровая инфраструктура позволяет не только их осуществлять, но и масштабировать, переносить из одного пространства в другое, от одной инициативной группы к другой в качестве *best practices*.

Цифровая инфраструктура обостряет тезис исследователей городских совместностей о неоднозначных границах этого феномена и гибких, неустойчивых субъектах их производства. Она участвует в создании *множественных* совместностей — и объектов заботы, и коллективов производителей. Множественные коллективные субъекты, во-первых, зависят от цифровых площадок с точки зрения границ и ролей, во-вторых, могут конфликтовать и вступать в противоречия друг с другом онлайн и офлайн. Управление общими ресурсами осуществляют небольшие множественные коллективы производителей совместностей, которые не репрезентируют всех жителей района.

Производство городских совместностей — сложный и проблематичный процесс. Внимание к цифровым площадкам позволяет увидеть, что «романтические» представления о совместностях как о новом социально-политическом порядке (см., например: Bollier 2014), основанном на горизонтальных связях и равном участии, имеет свои ограничения. Хотя Интернет и онлайн-платформы также кажутся пространством автономии от агентов рынка и государства, их конфигурации могут становиться основой для производства иерархий, исключения, экспертности. Вместо идеального коллективного управления возникают фрагментированные и конфликтные практики заботы об общих объектах и пространствах.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10054) «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

Выражаю глубокую благодарность Эльвире Гизатуллиной за помощь в сборе эмпирического материала и разработке темы.

Список интервью, использованных в статье

(все имена заменены)

Алексей и Мария. Молодая пара (около 30 лет) без детей, проживают в «Северной долине» с 2011 г.

Оксана. Активистка, пенсионерка, проживает в «Северной долине» с 2016 г.

Екатерина. Активистка, около 40 лет, член инициативной группы дома, проживает в «Северной долине» с 2017 г.

Елена. Администратор группы дома на VK.com, около 40 лет. Проживает в районе с 2016 г.

Настя, Наталья, Анна. Комментаторы в группе «Парнас Сити» на площадке VK.com.

Литература

Бычкова О. (2013) Технологии жилищно-коммунального хозяйства и теория экономических благ. Алапуру Р., Бычкова О., Хархордин О. (ред.) *Инфраструктура свободы: общие вещи и Res Publica*. СПб.: ЕУСПб: 108–146.

Вихавайнен Р. (2013) Объединяющие и разъединяющие вещи в товариществах собственников жилья. Алапуру Р., Бычкова О., Хархордин О. (ред.) *Инфраструктура свободы: общие вещи и Res Publica*. СПб.: ЕУСПб: 247–281.

Гладарев Б. (2013) Опыты преодоления «публичной немоты»: анализ общественных дискуссий в России начала XXI века. *Гедфер* [http://gefter.ru/archive/7296] (дата обращения 20.12.2019).

Делленбо М., Кип М., Бьеньек М., Миллер А., Шwegман М. (ред.). *Urban commons. Городская совместность: за пределами государства и рынка*. М.: Новое литературное обозрение: 56–80.

Ермишина А.В., Клименко Л.В. (2010) В поисках эффективных собственников в многоквартирном доме. *Экономическая социология*, 11(4): 105–135.

Закирова М. (2009). Образы города в мобилизации городского общественного движения (на примере Санкт-Петербурга). Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.) *Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения*. М.: Вариант; ЦСПГИ: 180–205.

Карасева А. (2018) Транслокальный Магадан: «виртуальное соседство» в ВК-паблике «MGDN Магадан». Бельская Е. и др. *Интернет по ту сторону цифр. Сборник статей конференции*. Издательские решения: 31–38.

Кип М. (2020). За пределами города: концептуализация городских соседностей в перспективе критической теории. М. Делленбо, М. Кип, М. Бьеньек, А. Миллер, М. Шwegман (ред.). *Urban commons. Городская совместность: за пределами государства и рынка*. М.: Новое литературное обозрение: 56–80.

Клеман К., Мирясова О. (2008) От обывателя к активисту: трансформация фрейма: (исследование жилищного движения в Астрахани). *Социальная реальность*, 3: 5–23.

Лобода О. В., Баталова Е. В. (2012) Перспективы развития жилищного самоуправления в Приморском крае. *Дискуссия*, 3(21): 75–81.

Остром Э. (2010) Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН; Мысль.

Павлов А. В. (2016) Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*, 5: 46–57.

Тыканова Е. (2013) Влияние городских политических режимов на ход оспаривания городского пространства (на примере Санкт-Петербурга и Парижа). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 16(3): 112–123.

Челнокова В.М., Гуревич А.Б. (2017) Анализ проблем организации комплексного освоения территорий. *Вестник гражданских инженеров*, 1: 161–166.

Чернышева Л.А. (2020) Российское гетто: воображаемая маргинальность новых жилых районов. *Городские исследования и практики*, 4(1). В печати.

Aksenov K. E. (2011) Social segregation of personal activity spaces in a posttransformation metropolis (case study of St. Petersburg). *Regional Research of Russia*, 1(1): 52–61.

Bakardjieva (2015) Do clouds have politics? Collective actors in social media land. *Information, Communication & Society*, 18(8): 983–990.

Becker S., Beveridge R., Naumann M. (2015) Reconfiguring energy provision in Berlin. Commoning between compromise and contestation. In: Dellenbaugh M.,

Kip M., Bieniok M., Müller A. K., Schwegmann M. (eds.) *Urban Commons: Moving Beyond State and Market*. Basel: Birkhäuser: 196–213.

Blomley N. (2008) Enclosure, common right and the property of the poor. *Social & Legal Studies*, 17(3): 311–331.

Bollier D. (2014) *Think like a commoner: A short introduction to the life of the commons*. New Society Publishers.

Borch C., Kornberger M. (eds.) (2015) *Urban commons: rethinking the city*. L.; N.Y.: Routledge.

Boydell S., Searle G. (2014) Understanding Property Rights in the Contemporary Urban Commons. *Urban Policy and Research*, 32(3): 323–340.

Chadwick A., Howard P. N. (eds.). (2010). *Routledge handbook of Internet politics*. New York: Taylor & Francis.

Chatterton P. (2010). Seeking the urban common: Furthering the debate on spatial justice. *City*, 14(6): 625–628.

Chernysheva L., Sezneva O. (2020). Commoning beyond 'commons': The case of the Russian 'obshcheye'. *The Sociological Review*, 68(2): 322–340.

Angelis M. De. (2007) *The beginning of history: Value struggles and global capital*. L.: Pluto Press.

Earl J., Kimport K. (2011) *Digitally enabled social change: Activism in the internet age*. MIT Press.

Fariás I., Wilkie A. (eds.). (2015) *Studio Studies: Operations, Topologies & Displacements*. L.; N.Y.: Routledge.

Foster S. R. (2011) Collective action and the urban commons. *Notre Dame L. Rev.*, 87: 57–133.

Gerbaudo P., Treré E. (2015) In search of the 'we' of social media activism: introduction to the special issue on social media and protest identities. *Information, Communication & Society*, 8(18): 865–871.

Gerbaudo P. (2012) *Tweets and the Streets*. L.: Pluto Press.

Gieri R. D., Moffat B. (2003) Distributed cognition: where the cognitive and the social merge. *Social Studies of Science*, 33(2): 1–10.

Hampton K., Wellman B. (2002). The not so global village of Netville. In: Wellman B., Haythornthwaite C. (eds.). *The Internet and Everyday Life*. Oxford: Blackwell: 345–371.

Hardin G. (2009 [1968]). The Tragedy of the Commons. *Journal of Natural Resources Policy Research*, 1(3): 243–253.

Harvey D. (2011) The future of the commons. *Radical history review*, 109: 101–107.

Heller M. A. (1998) The tragedy of the anticommons: property in the transition from Marx to markets. *Harvard law review*, 111: 621–688.

Hess C. (2008) Mapping the new commons. Presented at 'Governing Shared Resources: Connecting Local Experience to Global Challenges,' the 12th Biennial Conference of the International Association for the Study of the Commons, University

of Gloucestershire, Cheltenham, England, July 14–18, 2008. [<https://surface.syr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1023&context=sul>] (дата обращения 27.01.2020).

Hine C. (2015) *Ethnography for the internet: Embedded, embodied and everyday*. N.Y.: Bloomsbury Publishing.

Jacobs J. (1961) *Death and Life of Great American Cities*. N.Y.: Random House.

Jasper J. M. (2015). Introduction. Playing the Game. In: Jasper J.M., Duyvendak J.W. (eds.) *Players and Arenas. The Interactive Dynamics of Protest*. Amsterdam: Amsterdam University Press: 9–32.

Jasper J.M., Duyvendak J.W. (eds). (2015) *Players and Arenas: The Interactive Dynamics of Protest*. Amsterdam: Amsterdam University Press.

Kip M., Bieniok M., Dellenbaugh M., Muller, A. K., Schwegmann, M. (2015) Seizing the (Every) day: Welcome to the Urban Commons! In: Dellenbaugh M., Kip M., Bieniok M., Müller A. K., Schwegmann M. (eds.) *Urban Commons: Moving Beyond State and Market*. Basel: Birkhäuser: 9–26.

Kohn M. (2004) *Brave new neighborhoods: The privatization of public space*. N.Y.: Psychology Press.

Kovács Z., Egedy T., Szabó B. (2018) Persistence or change: divergent trajectories of large housing estates in Budapest, Hungary. In: Hess D., Tammaru T., van Ham M. (eds.). *Housing Estates in Europe*. Springer: Cham: 191–214.

Latour B. (2000) When things strike back: a possible contribution of ‘science studies’ to the social sciences. *The British journal of sociology*, 51(1): 107–123.

Linebaugh P. (2008) *The Magna Carta manifesto: Liberties and commons for all*. Berkeley, California: University of California Press.

Linebaugh P. (2014) *Stop, thief! The commons, enclosures, and resistance*. Oakland: PM Press.

Markham A. (2017) Ethnography in the Digital Internet Era: from fields to flows, descriptions to interventions. In: Denzin N., Lincoln Y. (eds.) *Sage Handbook of Qualitative Research*. N. Y.: SAGE Publications: 650–668.

Marres N., Moats D. (2015) Mapping controversies with Social Media: The case for symmetry. *Social Media+ Society*, 1(2): 1–17.

McCaughey M., Ayers M. D. (eds.) (2013) *Cyberactivism: Online activism in theory and practice*. L.; N.Y.: Routledge.

Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J., ... Wang X. (2016) *How the world changed social media*, vol. 1. L. UCL Press.

Miller D., Slater D. (2000) *Internet*. Oxford, U.K.: Berg Publishers.

Nie N. H. (2001) Sociability, interpersonal relations, and the Internet: Reconciling conflicting findings. *American behavioral scientist*, 45(3): 420–435.

Pachenkov O., Chernysheva L., Korableva E., Shirobokova I., Gizatullina E. (2020). Report on Work Package2: ‘Governance analysis’. Case studies: Sosnovaya Polyana & Severnaya Dolina (Parnas), St. Petersburg. *Research project ‘Estates After Transition’* [<https://www.estatetransition.org/reports>] (дата обращения: 19.05.2020).

Quan-Haase A., Wellman B., Witte J. C., Hampton K. N. (2002) Capitalizing on the net: Social contact, civic engagement, and sense of community. In: Wellman B., Haythornthwaite C. (eds.). *The Internet in everyday life*. Oxford: Blackwell: 291–324.

Rheingold H. (2000) *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*. L.: MIT Press.

Rose C. (1986) The comedy of the commons: custom, commerce, and inherently public property. *The University of Chicago Law Review*, 53(3): 711–781.

Scott A. (1955) The fishery: the objectives of sole ownership. *Journal of political Economy*, 63(2): 116–124.

Slouka M. (1995) *War of the Worlds. Cyberspace and the Assault on Reality*. N.Y.: Basic Books.

Stavrides S. (2016) *Common space: the city as commons*. L.: Zed Books Ltd.

Treré E. (2018) *Hybrid media activism: Ecologies, imaginaries, algorithms*. L.; N.Y.: Routledge.

Tufekci Z. (2014) The medium and the movement: Digital tools, social movement politics, and the end of the free rider problem. *Policy & Internet*, 6(2): 202–208.

Urban F. (2012) Mass Housing in East and West Germany — Controversial Success and Ambivalent Heritage. *Espacios Ambivalentes: historias y olvidos en la arquitectura social moderna*. San Juan, Puerto Rico: Ediciones Callejón: 52–75.

Voskresenskiy V., Musabirov I., Alexandrov D. (2016). Private and public online groups in apartment buildings of St. Petersburg. *Proceedings of the 8th ACM Conference on Web Science*. ACM: 301–306.

Wagner J.R., Berge E., Brara R., Bruns B., Caton S.C., Donahue J., ... Swyngedouw E. (2012) Water and the commons imaginary. *Current Anthropology*, 53(5): 617–641.

Wellman B., Haythornthwaite C. (eds.) (2008) *The Internet in everyday life*. N.Y.: John Wiley & Sons.

Wenger E. (2001) Communities of Practice. *International encyclopedia of the social and behavioral sciences*. N.Y.: Cambridge University Press: 2234–2241.

Источники

Вольянова С. (2019) Парнас, Кудрово и Девяткино — это петербургские гетто? Отвечают социологи и урбанисты. *Газета «Бумага»* [<https://paperpaper.ru/campus/parnas-kudrovo-i-devyatkineto-pete/>] (дата обращения: 08.09.2019).

Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020).

Постановление Правительства РФ от 5 мая 2007 г. № 265 «Об экспериментальных инвестиционных проектах комплексного освоения территорий в целях жилищного строительства» [<http://base.garant.ru/2307362/>] (дата обращения: 20.01.2020).

ONLINE AND OFFLINE CONFLICTS AROUND URBAN COMMONS: CARING FOR URBAN SPACE IN THE TERRITORY OF A LARGE HOUSING ESTATE

Liubov Chernysheva (l.a.chernysheva@gmail.com)

The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the RAS,
St. Petersburg, Russia

Citation: Chernysheva L. (2020) Onlayn i oflayn konflikty vokrug gorodskoy sovместnosti: zabota o gorodskom prostranstve na territorii bol'shogo zhilogo kompleksa [Online and offline conflicts around urban commons: caring for urban space in the territory of a large housing estate]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(2): 36–66 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.2>

Abstract. The article provides an analysis of urban collective initiatives performed by residents of a large housing estate *Severnaya Dolina* (St. Petersburg, Russia). Becoming visible to each other, the initiative groups collide and get into strategic interactions; they represent individual or complex 'players' operating in 'arenas', or online and offline interaction platforms. To analyze everyday practices of self-governance and caring for common spaces and infrastructures in the neighborhood, the author elaborates on the concept of urban commons. Digital neighboring network created by the residents on VK.com plays an important role in managing the common spaces and infrastructures of the large housing estate. The article demonstrates how these digital platforms are involved in the processes of creating and maintaining the boundaries that demark both commoning resource and the groups of commoners. A concept of *distributed commoning* is proposed in the article: it makes visible the variety of elements involved in (re) production of urban commons and consider both the technological features of digital platforms and their impact on commoning practices and the characteristics of emerging communities. The study suggests that the emerging communities of commoners are multiple, heterogeneous, fluid, and often conflicting.

Keywords: urban commons, self-government, neighborhood, community, conflict, online infrastructure, large housing estate.

Acknowledgements

The research is supported by the Russian Science Foundation grant (RSF no. 18-78-10054) «Mechanisms of interests coordination in the urban development processes».

References

Aksenov K. E. (2011) Social segregation of personal activity spaces in a post-transformation metropolis (case study of St. Petersburg). *Regional Research of Russia*, 1(1): 52–61.

Angelis M. De. (2007) *The beginning of history: Value struggles and global capital*. Pluto Press.

Bakardjieva (2015) Do clouds have politics? Collective actors in social media land. *Information, Communication & Society*, 18(8): 983–990.

Becker S., Beveridge R., Naumann M. (2015) Reconfiguring energy provision in Berlin. Commoning between compromise and contestation. In: Dellenbaugh M., Kip M., Bieniok M., Müller A. K., Schwegmann M. (eds.) *Urban Commons: Moving Beyond State and Market*. Basel: Birkhäuser: 196–213.

Blomley N. (2008) Enclosure, common right and the property of the poor. *Social & Legal Studies*, 17(3): 311–331.

Bollier D. (2014) *Think like a commoner: A short introduction to the life of the commons*. New Society Publishers.

Borch C., Kornberger M. (eds.) (2015) *Urban commons: rethinking the city*. London; New York: Routledge.

Boydell S., Searle G. (2014) Understanding Property Rights in the Contemporary Urban Commons. *Urban Policy and Research*, 32(3): 323–340.

Bychkova O. (2013) Tekhnologii zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva i teoriya ekonomicheskikh blag [Technologies of housing and communal services and the theory of economic benefits]. In: Alapuro, R., Bychkova, O., Kharkhordin, O. (eds.) *Infrastruktura svobody: obshchiye veshchi i Res Publica* [Infrastructure of freedom: common things and Res Publica]. St. Petersburg: EUSP Publ.: 108–146 (in Russian).

Chadwick A., Howard P. N. (eds.) (2010). *Routledge handbook of Internet politics*. New York: Taylor & Francis.

Chatterton P. (2010). Seeking the urban common: Furthering the debate on spatial justice. *City*, 14(6): 625–628.

Chelnokova V.M., Gurevich A.B. (2017) Analiz problem organizatsii kompleksnogo osvoyeniya territoriy [Analysis of the problems of organizing integrated development of territories]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov* [Bulletin of Civil Engineers], 1: 161–166 (in Russian).

Chernysheva L., Sezneva O. (2020). Commoning beyond 'commons': The case of the Russian 'obshcheye'. *The Sociological Review*, 68(2): 322–340.

Chernysheva L.A. (2020) Rossiyskoye getto: voobrazhayemaya marginal'nost' novykh zhilykh rayonov [Russian ghetto: the imaginary marginality of new residential areas]. *Gorodskiy issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], 4(1), in press (in Russian).

Earl J., Kimport K. (2011) *Digitally enabled social change: Activism in the internet age*. London: Mit Press.

Farias I., Wilkie A. (eds.) (2015) *Studio Studies: Operations, Topologies & Displacements*. London; New York: Routledge.

Foster S. R. (2011) Collective action and the urban commons. *Notre Dame L. Rev.*, 87: 57–133.

Gerbaudo P. (2012) *Tweets and the Streets*. London: Pluto Press.

Gerbaudo P., Treré E. (2015) In search of the 'we' of social media activism: introduction to the special issue on social media and protest identities. *Information, Communication & Society*, 8(18): 865–871.

Gieri R. D., Moffat B. (2003) Distributed cognition: where the cognitive and the social merge. *Social Studies of Science*, 33(2): 1–10.

Gladarev B. (2013) Opyty preodoleniya «publichnoy nemoty»: analiz obshchestvennykh diskussiy v Rossii nachala XXI veka [Experiences of overcoming “public dumbness”: analysis of public discussions in Russia at the beginning of the 21st century]. *Gefter* [Gefter Magazine] [<http://gefter.ru/archive/7296>] (accessed: 20.12.2019) (in Russian).

Gladarev B., Lonkilla M. (2012) The Role of Social Networking Sites in Civic Activism in Russia and Finland. *Europe-Asia Studies*, (64)8: 1377–1396.

Hampton K., Wellman B. (2002). The not so global village of Netville. In: Wellman B., Haythornthwaite C. (eds.) *The Internet and Everyday Life*. Oxford: Blackwell: 345–371.

Hardin G. (2009[1968]). The Tragedy of the Commons. *Journal of Natural Resources Policy Research*, 1(3): 243–253.

Harvey D. (2011) The future of the commons. *Radical history review*, 109: 101–107.

Heller M.A. (1998) The tragedy of the anticommons: property in the transition from Marx to markets. *Harvard law review*, 111: 621–688.

Hess C. (2008) Mapping the new commons. *Presented at ‘Governing Shared Resources: Connecting Local Experience to Global Challenges,’ the 12th Biennial Conference of the International Association for the Study of the Commons, University of Gloucestershire, Cheltenham, England, July 14–18, 2008*. [<https://surface.syr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1023&context=sul>] (accessed: 27.01.2020).

Hine C. (2015) *Ethnography for the internet: Embedded, embodied and everyday*. New York: Bloomsbury Publishing.

Jacobs J. (1961) *Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House.

Jasper J. M. (2015). Introduction. Playing the Game. In: Jasper J.M., Duyvendak J.W. (eds.) *Players and Arenas. The Interactive Dynamics of Protest*. Amsterdam: Amsterdam University Press: 9–32.

Jasper J.M., Duyvendak J.W. (eds) (2015) *Players and Arenas: The Interactive Dynamics of Protest*. Amsterdam: Amsterdam University Press.

Karaseva A. (2018) Translokალ'nyy Magadan: «virtual'noye sosledstvo» v VK-publike «MGDN Magadan» [Translocal Magadan: “virtual neighborhood” in the VK public “MGDN Magadan”]. In: Belskaya E. et al. *Internet po tu storonu tsifr. Sbornik statey konferentsii* [The Internet on the Other Side of the Numbers. Collection of conference articles]. Izdatel'skiye resheniya: 31–38 (in Russian).

Kip M. (2020). Za predelami goroda: kontseptualizatsiya gorodskikh sovmeŝtnostey v perspektive kriticheskoj teorii [Moving Beyond the City: Conceptualizing Urban Commons from a Critical Urban Studies Perspective]. In: M. Dellenbo, M. Kip, M. B'yen'yek, A. Miller, M. Shwegman (eds.) *Urban commons. Gorodskaya sovmeŝtnost': za predelami gosudarstva i rynka* [Urban Commons: Moving Beyond State and Market]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye: 56–80 (in Russian).

Kip M., Bieniok M., Dellenbaugh M., Muller A.K., Schwegmann M. (2015) Seizing the (Every) day: Welcome to the Urban Commons! In: Dellenbaugh M., Kip M., Bieniok M., Müller A. K., Schwegmann M. (eds.) *Urban Commons: Moving Beyond State and Market*. Basel: Birkhäuser: 9–26.

Kleman K., Miryasova O. (2008) Ot obyvatel'ya k aktivistu: transformatsiya freyma: (issledovaniye zhilishchnogo dvizheniya v Astrakhani) [From the layman to the activist: (research on the housing movement in Astrakhan)]

frame transformation: (study of housing movement in Astrakhan)]. *Sotsial'naya real'nost'* [Social Reality], 3: 5–23 (in Russian).

Kohn M. (2004) *Brave new neighborhoods: The privatization of public space*. New York: Psychology Press.

Kovács Z., Egedy T., Szabó B. (2018) Persistence or change: divergent trajectories of large housing estates in Budapest, Hungary. In: Hess D., Tammaru T., van Ham M. (eds.). *Housing Estates in Europe*. Springer: Cham: 191–214.

Latour B. (2000) When things strike back: a possible contribution of 'science studies' to the social sciences. *The British journal of sociology*, 51(1): 107–123.

Linebaugh P. (2008) *The Magna Carta manifesto: Liberties and commons for all*. Berkeley, California: University of California Press.

Linebaugh P. (2014) *Stop, thief! The commons, enclosures, and resistance*. Oakland: PM Press.

Loboda O.V., Batalova E.V. (2012) Perspektivy razvitiya zhilishchnogo samoupravleniya v Primorskom krae [Prospects for the development of housing self-government in Primorsky Krai]. *Diskussiya* [Discussion], 3 (21): 75–81 (in Russian).

Markham A. (2017) Ethnography in the Digital Internet Era: from fields to flows, descriptions to interventions. In: Zinkin N., Lincoln Y. (eds.) *Sage Handbook of Qualitative Research*. New York: SAGE Publications: 650–668.

Marres N., Moats D. (2015) Mapping controversies with Social Media: The case for symmetry. *Social Media+ Society*, 1(2): 1–17.

McCaughey M., Ayers M.D. (eds.) (2013) *Cyberactivism: Online activism in theory and practice*. London; New York: Routledge.

Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J., ... Wang X. (2016) *How the world changed social media*, vol. 1. London: UCL Press.

Miller D., Slater D. (2000) *Internet*. Oxford, U.K.: Berg Publishers.

Nie N. H. (2001) Sociability, interpersonal relations, and the Internet: Reconciling conflicting findings. *American behavioral scientist*, 45(3): 420–435.

Ostrow E. (2010) *Upravlyaya obshchim: evolyutsiya institutov kollektivnoy deyatel'nosti* [Governing the commons: The evolution of institutions for collective action]. Moscow: IRISEN Publ.; Mysl' Publ (in Russian).

Pachenkov O., Chernysheva L., Korableva E., Shirobokova I., Gizatullina E. (2020). Report on Work Package 2: 'Governance analysis'. Case studies: Sosnovaya Polyana & Severnaya Dolina (Parnas), St. Petersburg. *Research project 'Estates After Transition'*. Available at <https://www.estatetransition.org/reports> (accessed: 19.05.2020).

Pavlov A.V. (2016) Lokal'nyye gorodskiyе soobshchestva v sotsial'nykh setyakh: mezhdru «sosedskoy» i «grazhdanskoy» kommunikatsiyey [Local urban communities in social networks: between "neighborly" and "civic" communication]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth Journal of Social and Humanitarian Studies], (5): 46–57 (in Russian).

Quan-Haase A., Wellman B., Witte J. C., Hampton K. N. (2002) Capitalizing on the net: Social contact, civic engagement, and sense of community. In: Wellman B., Haythornthwaite C. (eds.) *The Internet in everyday life*. Oxford: Blackwell: 291–324.

Rheingold H. (2000) *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*. London: MIT Press.

Rose C. (1986) The comedy of the commons: custom, commerce, and inherently public property. *The University of Chicago Law Review*, 53(3): 711–781.

Scott A. (1955) The fishery: the objectives of sole ownership. *Journal of political Economy*, 63(2): 116–124.

Slouka M. (1995) *War of the Worlds. Cyberspace and the Assault on Reality*. New York: Basic Books.

Stavrides S. (2016) *Common space: the city as commons*. London: Zed Books Ltd.

Treré E. (2018) *Hybrid media activism: Ecologies, imaginaries, algorithms*. London; New York: Routledge.

Tufekci Z. (2014) The medium and the movement: Digital tools, social movement politics, and the end of the free rider problem. *Policy & Internet*, 6(2): 202–208.

Tykanova E. (2013) Vliyaniye gorodskikh politicheskikh rezhimov na khod osparivaniya gorodskogo prostranstva (na primere Sankt-Peterburga i Parizha) [The influence of urban political regimes on the course of contesting urban space (the examples of St. Petersburg and Paris)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 16(3): 112–123 (in Russian).

Urban F. (2012) Mass Housing in East and West Germany — Controversial Success and Ambivalent Heritage. *Espacios Ambivalentes: historias y olvidos en la arquitectura social moderna (San Juan, Puerto Rico, Ediciones Callejón)*: 52–75.

Vikhavaynen R. (2013) Ob'yedinyayushchiye i raz'yedinyayushchiye veshchi v tovarishchestvakh sobstvennikov zhil'ya [Unifying and disconnecting things in partnerships of homeowners]. In: Alapuro, R., Bychkova, O., Kharkhordin, O. (eds.) *Infrastruktura svobody: obshchiye veshchi i Res Publica* [Infrastructure of freedom: common things and Res Publica]. St. Petersburg: EUSPb Publ.: 247–281 (in Russian).

Voskresenskiy V., Musabirov I., Alexandrov D. (2016). Private and public online groups in apartment buildings of St. Petersburg. *Proceedings of the 8th ACM Conference on Web Science ACM*: 301–306.

Wagner J. R., Berge E., Brara R., Bruns B., Caton S. C., Donahue J., ... Swyngedouw E. (2012) Water and the commons imaginary. *Current Anthropology*, 53(5): 617–641.

Wellman B., Haythornthwaite C. (eds.) (2008) *The Internet in everyday life*. New York: John Wiley & Sons.

Wenger E. (2001) Communities of Practice. *International encyclopedia of the social and behavioral sciences*. New York: Cambridge University Press: 2234–2241.

Yermishina A.V., Klimenko L.V. (2010) V poiskakh effektivnykh sobstvennikov v mnogokvartirnom dome [Finding effective owners in an apartment building]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 11(4): 105–135 (in Russian).

Zakirova M. (2009). Obrazy goroda v mobilizatsii gorodskogo obshchestvennogo dvizheniya (na primere Sankt-Peterburga) [Images of the city in the mobilization of urban public movement (for example, St. Petersburg)]. In: Romanov P.V., Iarskaia-Smirnova E.R. (eds.) *Obshchestvennyye dvizheniya v Rossii: točki rosta, kamni pretkoveniya* [Social movements in Russia: growth points, stumbling blocks]. Moscow: Variant Publ.; TSSPGI Publ.: 180–205 (in Russian).